

Историки и биологи давно установили непреложную истину: человек начал становиться человеком с того момента, когда в сообществе первобытных полулюдей-полуживотных была осознана опасность беспорядочных интимных связей. А выражалась эта опасность очень просто: близкородственные интимные отношения приводили к появлению на свет болезненного, хилого и слабого потомства, пораженного наследственными заболеваниями. Численность племени уменьшалась, падало число мужчин, доживавших до зрелого возраста и способных быть воинами и добытчиками, падало число женщин, способных рожать здоровых детей. Племя слабело и легко делалось жертвой агрессивных иноплеменников.

Именно тогда появились в человеческих сообществах первые строгие законы брака и правила морали. Утвердились две формы группового брака – многомужество (если в племени не хватало женщин) и многоженство (если в племени не хватало мужчин), утвердился парный брак (устойчивая пара, не вступающая в интимные отношения с другими).

Племя разделилось на фратрии (группы), внутри которых браки были запрещены – брак заключался только с представителем/представительницей другой фратрии, таким способом исключалось кровосмешение. Родственные связи и отношения тщательно прослеживались, чтобы близкородственный брак даже случайно не проскочил. Возник даже особый промысел - похищение женщин других племен для выдачи их замуж за своих воинов, в этом случае чистота крови гарантировалась стопроцентно.

Европейская христианская мораль по-прежнему однозначно осуждает и свободу интимной жизни вне брака, и супружескую неверность в браке. Правда, за эти проступки давно уже не наказывают. Проблемы брака и личной жизни вышли из компетенции церкви, стали личным делом каждого и его/ее собственным моральным выбором.

Вплоть до XIX века церковный брак был практически нерасторжим ("что Бог соединил, человек да не разъединяет"). А поскольку браки тогда имели сословный характер и часто заключались помимо воли брачующихся, это часто приводило к трагедиям – самоубийствам, убийствам одним супругом другого постылого супруга. Не говоря уж о том, что большинство людей, состоящих в неудачном браке, предпочитало компенсировать неудачу менее опасным способом – "хождением налево".

Неженатых гуляк и незамужних гулён церковь могла покарать только морально – например, наложить на них епитимью (церковное покаяние), а общество могло только сплетничать о них – других инструментов воздействия уже не осталось.

В середине XIX века в большинстве стран Европы (в том числе и в России) были приняты

законы, согласно которым брак можно стало расторгнуть, причем одним из главных оснований для расторжения брака была объявлена неверность одного из супругов, доказанная в консистории (церковном ведомстве, ведавшем брачными и разводными делами). Это несколько разрядило ситуацию, но в целом высокий идеал так и остался недостижимым, а моральная атмосфера не улучшилась. Таковой она остается и по сей день.

Распущенными, аморальными, развращенными людьми мы называем тех, кто не состоит в браке и ведет при этом более чем свободный образ личной жизни, и тех, кто в браке состоит, но хранить обещанную супружескую верность не особенно стремится. Можно ли вынести в отношении этих людей какие-то окончательные моральные суждения, можно ли раз и навсегда объявить их плохими или хорошими?

Если человек, много и активно "гуляющий", не состоит в браке, а следовательно, не нарушает данных им самим обещаний, ибо никому их не давал (заметим, обещаний только моральных, не юридических – закон не предусматривает никаких наказаний за "разврат" и супружескую неверность), и своим поведением не причиняет зависящим от него людям морального вреда и материального ущерба – то такого человека, как ни крути, и осудить можно только морально. Это и вправду его личное дело, нравится нам это или нет.

Отошедший от дел бывалый гуляка, который на склоне лет начинает читать другим моральные проповеди и осуждать в других то, на что сам больше не способен, – выглядит смешно. В народе про таких прозревших ехидно говорят: "Когда черт стареет, он норовит в монахи податься".

Совсем иное дело, когда речь заходит о сторонних интимных похождениях людей, состоящих в браке. Здесь на сцене появляется слишком много заинтересованных лиц. И ладно бы просто заинтересованных, но очень сильно, глубоко и неподдельно страдающих. Особенно если факты свободного поведения одного из супругов становятся для другого супруга неожиданным открытием, а семья до этого открытия считалась вполне крепкой и нормальной.

Не секрет, что сохранить холодную голову и разобраться в этой ситуации способен далеко не каждый, и уж тем более нельзя серьезно воспринимать ковбойские советы некоторых брачно-семейных консультантов не принимать это близко к сердцу.

Рассудим: вроде бы однократный "поход налево" действительно не следует воспринимать как крах и катастрофу – мол, с кем не бывает... Но такой факт – не легкая ссадина, которая вскоре заживет. Это рубец, для многих незаживающий. Закрепившаяся у нас веками традиция моногамного брака, предусматривающего обет супружеской верности, слишком глубоко проникла в наши представления о морали, чтобы мы могли беззаботно относиться к супружеской неверности и рассматривать ее как мелкий инцидент, который легко проигнорировать.

Для нормальных людей измена супруга – это прежде всего моральная травма,

ощущение, что тебя предали, что привычный уклад жизни раскололся и все пошло под откос. Вот почему мелкий инцидент сплошь и рядом имеет крупные последствия, от которых страдают не только его непосредственные участники, но и те, кто к нему непричастен, – разумеется, дети...

Конечно, и из такой ситуации есть выход, давно найденный людьми. Речь идет о так называемых формальных семьях, в которых супруги взаимно признали факт банкротства брака и дали друг другу полную интимную свободу, но на расторжение брака не пошли – либо ради спокойствия детей, либо по соображениям общественной морали, либо по соображениям материальным. Это вроде бы и лицемерно, и некрасиво – но зато житейски мудро. Брак – не игра в шахматы, и выход из зашедшей в тупик партии не всегда бывает изящен, но если он по крайней мере нетравматичен и взаимоприемлем, то пусть лучше будет так.

Без малого сорок лет назад выдающийся педагог Владимир Сухомлинский опубликовал в газете статью о проблемах семейной жизни. В той статье содержалось такое примечательное рассуждение:

"Мы часто и охотно повторяем, что вступить в брак, обзавестись семьей – дело чрезвычайно ответственное. Но редко сами следуем этой мысли, заключаем браки по случайному влечению, принятому за любовь, или потому, что "все так делают" и "надо же когда-то создать семью", вступаем в брак по расчету, от страха перед одиночеством, не в силах противостоять напору родственников или знакомых, ради общественного престижа...

Но все-таки подумайте перед тем, как поставить свою подпись под заявлением в загс. Если вы не чувствуете в себе определенного намерения создать семью, если вы не готовы уменьшить свои права и увеличить свои обязанности, если вы легко знакомитесь и легко расстаетесь, если ваши собственные интересы у вас на первом месте и вы не готовы поступиться ими ради семьи, если вы эгоистичны и не чувствуете необходимости в совместной жизни с партнером – тогда лучше не выходите замуж и не женитесь.

Рано или поздно ваш брак рухнет. До поры до времени предпочтите одинокую жизнь – она не совсем нормальна, но все же это жизнь, а не ее суррогат. Время покажет, как вам следует поступить".

В конце басни положена мораль. Здесь ее не будет. Будет цитата – признание, сделанное одним известным писателем в письме своей жене, которой он несчетное число раз изменял, от которой уходил и к которой возвращался: "Ни с тобой, ни без тебя жить не могу..."